

НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВ

НЕАНДЕРТАЛЕЦ

ВЫЖИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Николай Прокофьев

Неандерталец

Выжить любой ценой

<https://litres.ru/74377454>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я вышел на футбольное поле

и очнулся в каменном веке.

Без еды. Без оружия. Почти без одежды.

Здесь человек — не вершина пищевой цепи, а всего лишь одно из её звеньев.

Здесь меня могут сожрать раньше, чем наступит утро.

Здесь живут мамонты, хищники, неандертальцы и кроманьонцы.

И я — обычный человек из XXI века, который не должен был здесь оказаться.

Но если хочу выжить —

придётся стать частью этого мира.

Или умереть.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Выйду в поле ночью... один	16
Глава 3	24
Тени прошлого и Каменный палец	25
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Николай Прокофьев

Неандерталец

Выжить любой ценой

Глава 1

Степь да степь кругом

Последнее, что я услышал был свист. Пронзительный, режущий слух звук, за гранью слышимости и тысячи, десятки тысяч нервных импульсов, пробежавших по моему телу в момент столкновения. Последнее, что я помню это очередной матч чемпионата. Мой проход по левому флангу, пас в центр, смещение вправо и выход в свободную зону под удар. Краем глаза успеваю заметить, что Паша уже переложил мяч под левую, рабочую ногу, и готов навесить. Делаю рывок в штрафную. Главное — быть на мяче первым. Вижу летящий в мою сторону снаряд, не останавливая движения, подпрыгиваю и резко киваю головой в сторону ворот. По логике, где-то в этой точке сейчас должен находиться мяч, который я элегантно переправлю в сетку. Но вместо кожаной сферы гола встречается с чем-то очень твердым. Встреча эта весьма болезненна. Удар, боль, темнота и пронзительный свисток арбитра. Резкий и нереально, неправдоподобно гром-

кий. Последнее, что я услышал был этот свист. Свист взорвался в голове, разошелся по нервам горячей волной, заполняя каждую частицу моего тела, а потом мир резко выключили. Щелк — и тишина. Тишина и темнота. Ни полета, ни вспышки перед глазами. Никакого туннеля в конце света. Или света в конце туннеля? Впрочем, неважно. Не было ничего. Просто кто-то выдернул шнур из розетки реальности.

Еще последнее, что я помню из того мира четко — это запах. Запах не скошенной травы, а разогретого синтетического покрытия и дешевого энергетика, который я хлебнул перед выходом на поле. Мы играли с парнями из отдела продаж после работы. Счет был два-два, я вырывался к воротам, пас от Пашки из отдела логистики, удар... и...

Я открыл глаза.

Свист не прекратился. Он изменился, превратился в ровный, гнусавый вой, от которого заломило в ушах. Над головой не было прожекторов стадиона, не было стропил крыши трибуны болельщиков и назойливых вездесущих рекламных щитов. Было небо.

Оно висело низко, тяжелое, свинцово-серое, затянутое рваными облаками. Они неслись с бешеной скоростью, словно их кто-то гнал невидимым хлыстом, дождя не было. Только этот бесконечный ветер.

— Какого хрена? — хрипло выдохнул я.

Голос прозвучал глухо, словно я говорил через слой ваты. Я попытался сесть. Тело не слушалось. Каждая мышца

ныла так, будто меня пропустили через мясорубку, а потом отбили молотком для отбивных. Голова, та самая сторона, в которую пришелся удар, пульсировала тупой болью, но — странное дело — кость была цела, не было ни рассечения, ни даже шишки. Я покрутил шеей. Больно, но терпимо. Сесть не получилось, и я снова опустил голову на землю.

Я лежал не на мягком газоне с подогревом. Под спиной было что-то твердое, жесткое и холодное. Острые камни впились в лопатки сквозь тонкую ткань футболки.

Я с трудом приподнялся на локтях. Очков на мне не было — я носил линзы, но сейчас мир казался пугающе четким, словно кто-то подкрутил резкость моих хрусталиков на максимум. Шел уже третий год, как я собирался сделать лазерную коррекцию зрения, да все что-то мешало.

То времени не было, то денег. Так, в итоге, и не собрался. Но сейчас я видел отлично. А может, я сделал её, но вследствие удара головой не помню этого? Амнезия? Некстати вспомнились слова одного киногероя: «Голова предмет темный, и обследованию не подлежит». А я вот где-то лежу и совершенно не помню, как здесь очутился. Да и вообще, где это «здесь»?

Я приподнялся на локтях и посмотрел по сторонам.

Вокруг расстилалась степь. Наверное, это была степь. Или как там называется бескрайнее поле травы? Но это была не та трава, которой был засеян газон около моего дома. И не та подстриженная лужайка напротив офиса. Это было просто

море травы. Высокой, по пояс, желтовато-бурой, с проседью. Она стояла плотной стеной, уходя к горизонту, и в ней, как острова, темнели перелески каких-то корявых, низких деревьев. Большого сидя мне рассмотреть не удалось. Я оперся руками о жесткую, каменистую землю и с трудом встал.

В лицо мне ударил ветер, сбивчивый и порывистый. Не ледяной, но холодный. Насколько я помню, в тот день, когда мы играли матч нашего корпоративного чемпионата, на дворе был июль. Как давно это было? До наступления «амнезии». А здесь сейчас что? Не зима, конечно, но какое-то не очень теплое лето. И воздух был какой-то... пустой. Слишком чистый. Никакого запаха выхлопных газов, гудрона, шармы или городской пыли.

Где же я нахожусь и сколько времени прошло с того самого матча? Мысль о том, что я вследствие удара головой потерял часть памяти и просто не помню прошедшее время (день, неделю, год?), казалась самой логичной. Но черт возьми, почему тогда на мне та же самая спортивная форма и бутсы?

Я опустил взгляд на себя. Футболка «Манчестер Юнайтед», трусы в синюю полоску, гетры, подтянутые до колен. На ногах — бутсы. Фирменные, «Адидас», дорогие, с яркими неоновыми шипами. Я машинально пошевелил ногой. Шипы звонко цокнули по камню. Звук вышел неестественно громким в этой тишине.

— Seriously? — спросил я в пустоту. — Что это такое?

Розыгрыш? Реалити-шоу? Скрытая камера?

Я огляделся, чувствуя, как внутри нарастает паника — холодный, скользкий ком в желудке. Ни камер, ни операторов, ни ведущего с дурацкой улыбкой. Ни одной живой души. Только ветер свистит в траве, и от этого звука по спине побежали мурашки.

С трудом я сделал шаг, потом еще один. Ноги держали, хотя в голове слегка поплыло. Шаг за шагом я куда-то пошел. У меня не было ни цели, ни направления. Бутсы вязли в мягкой, но каменистой почве. Это было абсурдно. Я, Данила Орлов, менеджер отдела логистики компании «Север-Транс», находился непонятно где, один, в футбольной форме. Ветер пронизывал до костей, и я почувствовал, что уже изрядно замерз.

— Ладно, Данила, соберись, — сказал я сам себе, потирая руки. Голос дрожал. — Ты просто вырубился. Сотрясение. Галлюцинации. Или куда там впадают ударенные по голове футболисты? В кому? Да, точно, ты просто в коме, и твой мозг, чтобы не стоять без дела, развлекается таким оригинальным способом. Сейчас приедет «скорая», тебя отвезут в больницу, и ты очнешься в больничной палате под капельницей. Мама будет плакать, бабушка — читать лекцию о вреде спорта, а начальник в телефоне будет орать о срыве сроков поставки, и ему будет, как обычно, все равно, что ты только что практически вернулся с того света. Оправдания срыву сроков поставок быть не может. Даже клиническая смерть

не является уважительной причиной...

Я полез в карман своих спортивных трусов. Пусто. Ни телефона, ни ключей от машины, ни банковской карты. Естественно, я же оставил все это в шкафчике раздевалки перед началом матча. У меня не было ничего. Почти ничего. Холодный металл коснулся мизинца. Я посмотрел на руку. На безымянном пальце левой руки было кольцо. Серебряное, простое, без камня. С надписью «Спаси и сохрани». Я носил его давно, еще со времен универа, привык, что оно есть. Когда-то мне подарила его девушка, с которой мы тогда встречались. Романа как такового не вышло, и мы довольно быстро расстались, а вот кольцо осталось, и я к нему уже настолько привык за эти годы, что порой даже забывал о его существовании. И в данный момент — это кольцо — единственное, что у меня есть. Символично. Вот уж воистину: «Спаси и сохрани». Может, правда, пришло мое время помолиться? Особо верующим я себя не считал и в храм ходил только на Пасху да на Крещение, набрать освященной воды для бабушки. Но если допустить, что я сейчас и правда где-то в коме, то: Господи, помоги мне прийти в себя и вернуться в привычный мне мир! Помоги, а? Ну что тебе, жалко, что ли? Так, будем считать, помолился...

Я собрался с силами и пошел. Не выбирая направление. Просто прямо. Минут через пятнадцать мне стало немного теплее. То ли из-за того, что я двигаюсь, то ли потому, что тучи разошлись, выпустив бледное, злое солнце. Не скажу,

что прямо жарко, но так мне в моей футболочке стало намного комфортнее. Нужно найти людей. Ну или хотя бы дорогу. Даже если я нахожусь в каком-то иллюзорном мире, созданном моим мозгом в коме, то пусть он создаст и дорогу. Потому что идти в шипованных ботинках по каменистой почве было очень неудобно: нога постоянно вставала неровно и то и дело норовила подвернуться. Я согрелся, это, конечно, неплохо, но куда я иду? Я развернулся, пытаюсь найти хоть какой-то ориентир.

Вдали, сквозь марево испарений, виднелись скалы. Темные, зубчатые останцы, возвышающиеся над степью, как клыки какого-то гигантского чудовища. Туда.

Я пошел. Каждый шаг давался с трудом. Трава была плотной, упругой, она цеплялась за ноги, скрывая ямы и камни. Ботинки, идеальные для идеального газона, здесь были настоящим проклятием. Шипы застревали в трещинах камня, скользили по мокрой глине, зацеплялись за корни. Я дважды упал, расшибив колено и испачкав футболку землей. Боль была реальной. Слишком реальной для галлюцинации. Кто там говорил, что для того, чтобы понять, явь это или сон, нужно ущипнуть себя? Знатоки, блин... Ответственно заявляю вам, что никакой необходимости щипать себя в такой ситуации нет. Или... Это все-таки не сон, не кома и не клиническая смерть. А что тогда? Господи, где я?

Вокруг была флора, которую я не мог определить. Мой дед, археолог, и бабушка, смотритель краеведческого музея,

привили мне некоторую эрудицию, но здесь всё было... другим.

Трава была не просто высокой — она была мощной. Стебли толщиной в карандаш, жесткие, как проволока. Ковыль? Может быть. Его белые перья плыли по ветру, создавая иллюзию морских волн. Но рядом росли растения, от которых пахло горечью и аптекой. Полынь. Я сорвал стебель, растер в пальцах — резкий, едкий запах ударил в нос. Настоящая, дикая полынь.

Попадались кустарники, похожие на карликовые березки, но с какой-то странной, скрученной листвой. И деревья вдалеке... они не были ни березами, ни соснами. Темные, узловатые, с разлапистыми кронами, они казались декорациями к фильму ужасов.

В голову полезли дурацкие мысли. «А что, если это параллельная реальность?» Я тут же отогнал эту мысль. Я рациональный человек. Я выставлю счета, я слежу за дебиторской задолженностью. Мистики не существует. Есть футбол, есть травма головы, есть амнезия.

Но, с другой стороны: есть еще запахи, звуки, ощущения боли и усталости. Я шел уже, наверное, час. Пот ручьями стекал по спине, футболка промокла насквозь. Жажда начала мучить меня всерьез. Горло пересохло, губы потрескались и саднили. Вспомнились ролики с RUTUBE, которые я смотрел от скуки в обеденный перерыв: «Как найти воду в лесу», «Выживание в экстремальных условиях». Я даже усмехнул-

ся. Теория.

— Сюда бы всех этих «выживальщиков», пусть бы показали, как тут правильно выживать, — пробормотал я, сплевывая вязкую слюну. — Одно дело вещать в эфир из своей комнаты, и совсем другое — вот так... Не к месту вспомнилось дедово: «Хозяйство вести — не мудями трясти». Очень хотелось пить.

Воздух был наполнен странными звуками. Стрекотание, шорохи, далекий крик какой-то птицы — резкий, гортанный, совсем не похожий на чириканье воробьев у подъезда. Я спустился в низину. Почва стала влажнее, ноги снова начали вязнуть. Я упал на колени и начал разгребать траву руками, срывая ногти о твердую землю. Земля была сырой, тяжелой. Я выкопал ямку. Вода проступила медленно, мутная и грязная. Пить такую воду совершенно не хотелось.

Данила Орлов, менеджер, любитель футбола, человек, который пьет только фильтрованную воду «Шишкин лес», смотрел в грязную лужу.

— И что ты будешь делать? — спросил я сам себя. — Будешь пить? Подхватишь холеру, дизентерию или еще какую-то заразу, названия которой не знаешь?

Я огляделся. Вокруг — ни души. Я представил, как медленно умираю от обезвоживания под этим серым небом. Но страх не победил брезгливость. Я не припал к ямке губами, жадно глотая холодную, песчаную жижу. Я медленно поднялся и продолжил движение в сторону каменных скал, вид-

неющихся на горизонте. Мне показалось, или они стали чуть ближе?

— Я не знаю, где я, — бормотал я. — Я не знаю, как здесь оказался. Я хочу домой.

Я покрутил кольцо на пальце. Магия не сработала. Переноса не произошло. Господи, за что? Что я тебе сделал плохого?

Минут тридцать спустя силы мои иссякли, и я остановился, сев на жесткую сухую траву. Внезапно, совсем рядом со мной, раздался шорох. Я повернул голову и замер. Из зарослей полыни выкатился странный зверек. Он был размером с крупную кошку, но выглядел как нечто среднее между тушканчиком и кенгуру. Огромные задние лапы, длинный голый хвост, мордочка с усами. Он посмотрел на меня черными бу-
синами глаз, дернул носом и с писком умчался прочь, прыжками уходя в высокую траву. Я моргнул. Такого я точно не видел ни в зоопарке, ни в учебниках биологии.

— Ладно, — выдохнул я, пытаюсь унять дрожь в руках. — Ладно. Ты просто ударился головой, Данила. У тебя галлюцинации. Стресс. Мозг рисует странные образы.

Но солнце пекло голову совсем по-настоящему. А камни под задницей тоже говорили об обратном. Это не сон.

Я поднялся. Скалы действительно стали заметно ближе. Нужно было дойти до них. Найти тень. Осмотреться. Может, оттуда я увижу линию электропередач или трубу завода. Что-то, что докажет мне, что цивилизация существует.

Я двинулся дальше, стараясь не думать о том, что может прятаться в этой траве. О том, что звуки вокруг меня становятся все громче, а тени — длиннее. День клонился к вечеру, и степь, казавшаяся просто пустой и странной, начала приобретать зловещие очертания.

Я не знал тогда, глядя на далекие скалы, что самое страшное начнется именно тогда, когда солнце, наконец, скроется за горизонтом.

Глава 2

Выйду в поле ночью... один

К скалам я добрался, когда солнце уже висело над самым горизонтом, превратившись в раскаленный оранжевый диск, который больно бил по сетчатке. Нагретый за день воздух, насыщенный запахом полыни и пылью, быстро остывал.

Ближе к подножию останцев ландшафт изменился. Трва стала ниже, уступая место камням — серым, шершавым, изъеденным ветрами до причудливых форм. Я карабкался вверх по осыпи, и бутсы предательски скользили. Наконец, я увидел то, что искал — узкий вертикальный разлом в скале. Темный провал, обещающий тень, укрытие от ветра и защиту от дождя. Но тень мне была уже не нужна. Солнце висело над горизонтом и как бы намекало, что его рабочий день окончен и греть меня сверхурочно оно совершенно не намерено. Хотелось есть, но еще сильнее, просто зверски, хотелось пить. Я начал жалеть, что не рискнул днем напиться воды из той выкопанной мною ямки. Ведь можно же было как-то процедить её? Через футболку, например. Помню, видел в одном ролике, как грязную воду наливали в банку, опускали туда конец тряпки, а другой её конец помещали во вторую банку, стоящую чуть пониже, и вода по ткани переходила из одного сосуда в другой, таким образом самоочищаясь. Хотя... Процедить во что? Ни банки, ни стакана у меня не было. Разве что из бутсы в бутсу? Жажда моя достигла такого

уровня, что мне уже было все равно.

Я протиснулся в разлом и очутился в небольшом закутке, защищенном от ветра и дождя. Эх, дождь сейчас, конечно, не помешал бы. Здесь было прохладно и пахло сыростью, затхлостью и... чем-то еще. Какой-то странный запах. Не могу сказать, что знакомый, но... Я замер, принюхиваясь. Пахло как в зоопарке. Логово? Кто здесь мог жить?

— Эй? — тихонько позвал я. — Есть кто?

Голос сорвался на сип. Тишина. Только ветер свистел снаружи, посвистывая в расщелинах камня.

Я осмотрелся. Пещера, если это можно было назвать пещерой, была неглубокой — метра три вглубь, не больше. Стены покрыты налетом каких-то лишайников. В дальнем углу — куча сухого мусора, листья, мелкие ветки. Отлично. Подстилка.

Я сел, привалившись спиной к холодной стене, и наконец-то позволил себе выдохнуть. Ноги гудели. Бутсы я снимать побоялся — неизвестно, смогу ли натянуть их обратно на распухшие от ходьбы ступни, да и камень под ногами был холодным. Я только ослабил шнуровку.

В желудке предательски заурчало. Есть хотелось зверски. Последний раз я ел... когда? Бутерброд в офисе? Чашка кофе и шоколадный батончик?

Я посмотрел на кучу веток в углу. Дед рассказывал: «В лесу главное — не еда, а тепло. Огонь — это жизнь». Огонь. Я хмыкнул. У меня нет спичек, нет зажигалки. Есть теорети-

ческие знания из YouTube про трение палочек. И есть желание жить, пить и есть. А еще есть серебряное кольцо. Кольцо. Я снял его с пальца. Простая гладкая полоска. В лучах заходящего солнца, проникающих в пещеру, оно блеснуло тусклым, молочным светом. Серебро. Мягкий металл. Им разве что масло резать. Я надел кольцо обратно на палец. Жаль, оно не превращалось в меч и не открывало портал. Хотя... Я же не пробовал.

Снаружи начало темнеть. Это происходило стремительно. Туч на западе не было, и горизонт был чист, но сумерки сгустились за какие-то полчаса. Я выполз из пещеры наружу — еще не совсем ночь, но уже и не день. Сумерки. Ветер стал тише, степь затихала перед сном.

Я посмотрел на запад. Пыль. Воздух был мутным, возможно, из-за испарений или пылицы. Линия горизонта дрожала.

И тут я поднял глаза выше.

Меня ждал еще один удар. Сердце забилось сильнее, но на этот раз не от страха, а от восторга, смешанного с ужасом.

Звезды.

Их были тысячи. Миллионы. Они сыпались, как алмазная крошка на черном бархате. Никакого светового загрязнения. Ни одного фонаря, ни одного окна. Небо было таким глубоким, трехмерным, что у меня закружилась голова.

Я начал искать знакомые узоры. Это инстинкт — искать знакомое в хаосе. Большая Медведица. Ковш. Он был там, на севере, такой же, как на картинках в школьном учебнике

астрономии. Семь звезд. Знакомый силуэт. У меня даже вырвался вздох облегчения. Если есть Ковш, значит, я на Земле. Это просто глухая тайга, может, Сибирь, может, Дальний Восток. Меня просто вывезли, пока я был без сознания. Пранк, похищение, что угодно, но это Земля!

Я жадно искал Полярную звезду. Путеводную нить. Север. Я знал: нужно провести линию через две крайние звезды ковша, отложить пять отрезков...

Я провел пальцем по небу. Линия ушла в пустоту.

Там, где должна была гореть спокойная, яркая Полярная звезда, была чернота. Пустота. Ни одного заметного светила.

Я замер. Глаз дергался. Я попробовал снова. Ковш. Линия. Пустота.

То есть это все-таки не Земля? А если не Земля, то что тогда? Марс? Согласно последним исследованиям, температура воздуха и климат на Марсе непригодны для жизни, да и при чем тут Марс, если я не вижу полярной звезды? Но ведь если есть Большая Медведица, то должна быть и она. Так, подождите, давайте разбираться... И тут яркое, как вспышка молнии, воспоминание сверкнуло в моей измученной голове!

— Не может быть, — прошептал я. — Это невозможно.

Лето. Каникулы и бабушка в деревне. Поход на рыбалку с дедом в ночное. Дед тычет пальцем в небо и говорит: «Смотри, Данила, мир меняется. Ось Земли смещается. Тысячи лет назад Полярной звезды не было».

Тысячи лет?

Мой взгляд скользнул по небосводу, и я увидел её. Яркая, белесая, с голубоватым отливом звезда сияла на том месте, где, по моим воспоминаниям, проходило созвездие Лирь. Вега.

Вега была Полярной... когда? Тринадцать тысяч лет назад? Или это вообще другой мир?

Мир качнулся. Я схватился за выступ скалы, чтобы не упасть. Если это прошлое... если меня забросило в прошлое... то не будет никакой «Скорой». Не будет никакой реанимации и выхода из медикаментозного сна, или как он там называется? Никаких деда с бабушкой, никакой мамы. Никакой цивилизации.

Я, Данила Орлов, менеджер среднего звена, в свободное время футболист, стою на пороге собственной комфортабельной пещеры в каменном веке. Или в параллельном каменном веке. Кстати, нужно будет еще выяснить, полностью ли это моя пещера или это, не дай Бог, коммуналка.

Отчаяние накрыло меня с головой. Я снова протиснулся в узкий проход, подошел к куче старых листьев и сполз по стене пещеры на пол, обхватив голову руками.

— Спокойно, — сказал я себе. — Данила, не истери. Ты не ел, ты устал. Может, просто угол обзора другой? Может, ты просто перепутал?

Но я не перепутал. Я знал небо. Я любил смотреть на него с балкона, закуривая вечернюю сигарету, а потом, когда бро-

сил, уже без сигареты. Часто стоял и смотрел вдаль, жалея, что бросил курить. Но в городе не было так видно звезд, как здесь и сейчас. И все-таки: где это «здесь» и когда это «сейчас»?

Холод ночи проник под футболку. В пещере и так, видимо, не было жарко, а сейчас температура и вовсе упала. Воздух стал просто ледяным. Я вжался вглубь расщелины, натянул гетры выше, скрестил руки на груди. Тонкая синтетика футболки не грела совершенно. Я дрожал, зубы выбивали чечетку.

Ночь наступила полностью. Степь ожила. Сначала я услышал вой. Далекий, тягучий, он катился по равнине, заставляя стыть кровь. Волки? Гиены? Потом — странный трубный звук, низкий, вибрирующий где-то в районе желудка. Он прозвучал как гудок гигантского океанского лайнера, идущего по воде. Я сжался в комок. Это было не ошибкой. Это был не сон. Где-то совсем рядом, может, у подножия скалы, хрустнул камень. Тяжелый, грузный шаг. Еще один. Что-то огромное дышало в темноте. Я снова почувствовал тот же самый запах, который почудился мне, когда я только пришел сюда. Сейчас он усилился, став почти невыносимым.

Я не смел дышать. Я закрыл глаза, как ребенок, веря, что если я не вижу монстра, то и он не видит меня. Мои руки, спрятанные под мышками, сжимались в кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони.

Существо снаружи фыркнуло. Что-то твердое стукнуло о

камень. Рог? Копыто? Оно постояло минуту, которая показалась мне вечностью, а затем, к счастью, потеряло интерес или почувствовало мой страх, и тяжелые шаги начали удаляться. А может быть, оно было таким большим, что просто не смогло бы протиснуться в узкий вход в мое убежище.

Я выдохнул, только когда звук затих. Я был жив.

В полной темноте, дрожа от холода и страха, я вдруг почувствовал дикое желание выжить. Вспыхнула злость. Злость на этот мир, на это небо без Полярной звезды, на свою слабость.

— Я не сдохну, — прошептал я в темноту. Слова прозвучали твердо, хотя голос дрожал. — Я не сдохну здесь. Я найду дорогу. Я разберусь. Я вам не корм и не удобрение.

Я нащупал на пальце серебряное кольцо. Господи, если ты есть! Господи, если ты слышишь меня! Помоги мне, Господи, выбраться отсюда! Но сначала, помоги мне, Господи, выжить! Помоги мне пережить эту ночь! Дай мне сил и терпения, Господи! В этот раз молитва получилась много лучше. Что там обычно принято говорить в конце? Аминь? Единственное, что поддерживало меня в этот момент, — это вот эта серебряная полоска на пальце. Мое кольцо, мой талисман, моя вера, мой якорь.

Завтра я буду искать воду. Настоящую воду. Завтра я сделаю копьё или нож. Завтра я выживу.

А сейчас... сейчас я просто буду сидеть здесь, слушать крики доисторических птиц и смотреть на чужое небо, где

Вега с презрением смотрела на потерявшегося человека.

Ночь была долгой. Самой долгой в моей жизни. Но в конце концов усталость взяла свое, и я заснул.

Глава 3

Тени прошлого и Каменный палец

Проснулся я от того, что замерз. Это был не тот приятный утренний озноб, когда хочется натянуть одеяло на нос и понежиться еще пять минут. Это был жестокий, пронизывающий холод, который вьелся в кости за ночь. Солнце поднималось над горизонтом, и этого было достаточно, чтобы окрасить стены пещеры в бледно-оранжевые тона, но тепла оно еще не давало. Совершенно некстати в памяти всплыл глупый и похабный анекдот, в котором лампа светила, но света не давала, а после лампа погасла, и Света дала. Интересно, что это? Какая защитная реакция организма?

Я выполз из расщелины. Передо мною все также расстиралась степь. Вчерашний страх отступил, уступив место раздражению и острому желанию найти воду. Ноги в бутах гудели. Шипы, идеальные для газона, здесь, на каменистой осыпи, служили плохую службу — каждое движение грозило подвернуть лодыжку. Я спустился вниз, к подножию скал. И вот здесь меня ждал прямо-таки королевский подарок! Там, в тени огромного валуна, в небольшой выемке собралась лужица мутной воды. Прошедший когда-то дождь или обильная роса — неважно. Я упал на колени и жадно припал к воде. Она была холодной, даже ледяной, с привкусом минералов и земли, но для меня сейчас это было лучше любого шампанского. Я пил до тех пор, пока горло не заломило от

холода, после отдышался и сновапил,пил, ипил. А потом просто сидел, тяжело дыша и глядя на свое отражение в этой великолепной луже. Из воды на меня смотрел незнакомец: грязный, с царапиной на щеке, с темной щетиной и безумными глазами.

— Соберись, Данила, — хрипло сказал я своему отражению. — Ты менеджер. Ты решаешь проблемы. Просто реши и эту.

Проблема была в том, что в моей базе данных не было инструкции «Что делать, если ты попал в каменный век». Или куда хуже.

Я присел на валун, снял с пальца серебряное кольцо и в который уже раз за прошедшие сутки прочитал надпись: «Господи, спаси и сохрани мя». Интересно, сработала моя вчерашняя молитва или просто так совпало? Как бы там ни было, но жизнь вроде как налаживается? Я никогда не относил себя к верующим, но сейчас, пытаюсь осмыслить события последних суток, понимал, что есть все-таки что-то в мире, что пока не могут объяснить ученые. Что-то сверхъестественное, необъяснимое. Бог это или что-то другое, я не знаю, но сейчас мне вспомнились строки песни Егора Летова:

*«Светило солнышко, и ночью и днем,
Не бывает атеистов в окопах под огнем».*

Вот тебе, Данила, солнышко, вот и сам Данила – атеист. Осталось найти огонь и окопы. Хотя... Окопы все же не надо,

а вот огонь — очень хотелось бы. Привычное прикосновение металла успокаивало. Я крутил кольцо в пальцах, и мысли сами собой потекли в прошлое.

Я вспомнил бабушкин музей. Запах старой бумаги и пыльных экспонатов. Её кабинет в глубине здания краеведческого музея в Печоре. Я сидел там после школы, делая уроки под тихое бормотание старой смотрительницы.

— Данила, смотри, — она часто подзывала меня к витринам. — Это скребок. Им чистили шкуры три тысячи лет назад. А это — наконечник стрелы. Смотри, как тонко сколот. Это не просто камень, это труд и жизнь человека.

Тогда мне было скучно. Я кивал, глядя на мятые билетки и черепки, мечтая поскорее убежать играть в футбол. Мне казалось, что этот мир мертв и не имеет ко мне никакого отношения. Экскурсии для стариков.

Дед был другим. До выхода на пенсию он был археологом, человеком земли. Я хорошо помню, как гостил летом на каникулах в их деревенском доме. Большеголовый, с грубыми руками, он пах табаком и костром.

— Неандерталец не был тупым, Данила, — говорил он мне как-то, помешивая чай на нашем кухонном столе, в нашей квартире. Спорил с отцом, который считал древних людей всего лишь разновидностью животных. — Они пережили ледниковый период! Они умели жалеть своих стариков, они хоронили своих мертвых с цветами. У них была душа. Просто мир тогда был другим. Жестоким, но честным.

— Да брось, пап, — отвечал отец. — Выжили сильнейшие. Сапиенсы их сожрали.

Дед только усмехался в усы и подмигивал мне: «Запомни, внучек. Выживает не сильнейший. Выживает тот, кто умеет приспособливаться. И у кого есть огонь».

Сейчас, сидя на холодном камне неизвестно где и когда, я проклинал себя за то, что не слушал внимательнее. За то, что пропускал мимо ушей рассказы про виды кремня, про то, как отличить съедобный корень от ядовитого, про стоянки древних людей на Печоре. Я вспомнил его рассказ про «мамонтовую степь» — бескрайние пастбища, простиравшиеся от Европы до Аляски.

— Печора была одним из центров, — говорил дед. — У нас находили стоянки, которым сорок тысяч лет. Люди жили здесь всегда, Данила. Это земля предков.

«Земля предков», — горько подумал я. Получается, дед был прав. Я сейчас в самом центре этой теории, только без лопаты, без карты и без горячего чая из термоса. Я встал. Я замерз, я голоден, но хныкать времени нет. Если дед говорил про стоянки, значит, люди здесь есть. Понять бы еще, где это «здесь». На Африку совсем не похоже. Но кто его знает, какой климат был в Африке неизвестное мне количество тысячелетий назад. Может, там в это время как раз шел очередной ледниковый период. А может, сейчас просто разгар зимы, и поэтому так холодно по ночам? Или в Африке наоборот: зимой жарко, а летом холодно? Или это в Австра-

лии? А я-то где? Да, в истории и географии у меня явно были пробелы, и интернета, чтобы проверить свои знания, под рукой не было. Не следует сбрасывать со счетов версию о параллельном мире. Оставался еще небольшой шанс, что это все же история, которую рисует мне мой больной мозг, пока я нахожусь в коме, но верилось именно в этот расклад мне все меньше и меньше. А может, я действительно умер, и это на самом деле чистилище? Или как там оно называется? И тогда, где-то тут есть река Стикс, через которую Харон должен будет перевезти меня на другой берег? Но, если я не путаю, Харону нужно было заплатить монету, а денег у меня с собой не было. У меня вообще ничего не было, не считая серебряного кольца. Но его я не отдам ни за какие блага мира. Сегодня это единственное, что у меня осталось от прошлой жизни, единственное, за что цепляется мой разум и что связывает меня с прошлым, не давая окончательно свихнуться и впасть в уныние. «Господи, спаси и сохрани мя, аминь!» Идем дальше.

Я шел уже час, и эйфория от находки воды быстро сменилась тихой, нарастающей ненавистью к собственной обуви. Бутсы — величайшее изобретение человечества для ровного газона, здесь, среди камней и вязкой глины, оказались орудием пытки. Шипы, которые должны были вгрызаться в землю, теперь забились глиной, мокрым песком и мелкими камешками. Каждый шаг отдавался неприятным скрежетом, а потом и болью — жесткая стелька не амортизировала уда-

ры о скрытые в траве камни. Мне казалось, что мои ступни превратились в одну сплошную гематому, пальцы немели, а потом начало саднить пятку.

— Гениально, Данила, — пробормотал я, сплевывая вязкую слюну. — Ты выжил после клинической смерти, чтобы умереть от сепсиса из-за натертой пятки.

Я присел на камень, с трудом стянул бутсу. Носок промок насквозь и сбился в комок. Я стянул его. Ступня была красной и распухшей, а на мизинце зрела водянка размером с горошину. Я снял и вторую бутсу тоже. Гетры можно было выжимать. В сердцах я стянул и их, скомкал вместе и швырнул мокрый комок ткани в сторону. Он упал в траву и исчез. О том, чтобы попробовать идти босиком, не было и речи — острые стебли ковыля резали кожу, как бритва, а ледяная земля обжигала, как огонь. Пришлось, подбирать из травы свои гетры, потом, кряхтя, как старик, натягивать их обратно и с силой втискивать ногу в бутсу. При их покупке был вариант заплатить побольше и взять другую модель со съёмными шипами, но я решил сэкономить и взял вот эти. Тоже недешёвые, кстати. Сэкономил, блин. Сейчас мог бы по крайней мере выкрутить шипы, и идти стало бы легче. Я не стал зашнуровывать бутсы и продолжил путь, ставя ногу аккуратно и передвигаясь не спеша. Тише едешь — дальше будешь, вспомнилась мне еще одна народная мудрость. Сейчас я в полной мере осознал глубину этих простых слов. Теперь каждый шаг был напоминанием: здесь нет удобств.

Здесь боль — это норма.

Где-то с час спустя я снова остановился и сел на камень, чтобы немного передохнуть. Футболка высохла, но стала жесткой от пота и пыли. Гетры сползли, обнажив исцарапанные голени. Я попытался сглотнуть и поморщился — горло было сухим, как пергамент. Жажда, которую так удачно удалось заглушить утром, вновь напомнила о себе в полный голос. Голова гудела, словно с похмелья, только вместо алко-гольной интоксикации причиной был стресс и голод. Я снова стянул с ног бутсы и гетры и разложил последние на нагретом солнцем камне. Пусть хоть немного просохнут. День перевалил за половину. Солнце, повисшее низко над горизонтом, слепило глаза. Я продирался через заросли кустарника, метя в сторону какой-то возвышенности, когда вдруг замер. В десяти метрах от меня, за кустом карликовой березы, стояло что-то огромное и серое. Сначала я подумал, что это валун, но «валун» вдруг с шумом выдохнул воздух.

Шерстистый носорог.

Он стоял боком, похожий на танк, обшитый драным войлоком. Ключья бурой шерсти свисали с боков, а на носу тускло блестел гигантский рог, стертый у основания. Он был слеп. Мутные, белесые глаза смотрели в никуда, но уши, похожие на блюдца, поворачивались, ловя каждый шорох.

Я стоял не дыша. Из передач Discovery я знал, что эти звери злобны, непредсказуемы и при этом почти ничего не видят. Он почуял меня. Или услышал, как бьется мое сердце.

Носорог повернул голову в мою сторону и издал низкий, урчащий звук, от которого вибрация пошла по ногам вверх. Он бил ногой о землю. Классический признак агрессии.

— Тихо, дружище, — прошептал я одними губами. — Я просто прохожий. Мясо жесткое, невкусное. Вегетарианец я.

Он фыркнул, и в следующий момент его огромная туша пришла в движение. Он не бежал — он летел, сметая кусты, целясь рогом туда, где я стоял. Инстинкты сработали быстрее мысли. Футбол. Левый фланг, защитник летит в подкате. Я не побежал назад — он бы догнал за три секунды. Я сделал шаг в сторону и вперед, резкий рывок корпусом, финт. Тень зверя пронеслась в полуметре от меня, обдав смрадом невыносимой вони и горячим дыханием. Рог чиркнул по коре чахлой березки, сдирая кору, как бумагу. Носорог пронесся мимо, не успев затормозить. Он развернулся с удивительной для его массы скоростью. Но мне хватило этих секунд. Я рванул к одинокой лиственнице, стоявшей в стороне. Она была повыше и явно покрепче березки, у которой я остановился на привал. Прыжок, руки цепляются за нижнюю ветку, ноги болтаются в воздухе. Никогда не считал себя опытным древолазом, но страх, адреналин и жажда жить творят чудеса. Я сам не понял, как залетел наверх, практически на самую верхушку. Мог подняться и еще выше, но тогда был риск, что ствол не выдержит моего веса и просто обломится, отправив меня вниз, туда, откуда я всеми силами стремился уйти.

Снизу раздался удар. Дерево содрогнулось. Ветка, на ко-

торой я висел, угрожающе затрещала. Я подтянулся выше, усаживаясь верхом, и только тогда посмотрел вниз. Носорог стоял у ствола. Он не уходил. Он тёрся боком о кору, глядя на меня своими мертвыми глазами, и ждал. Он знал, что я никуда не денусь.

— Ну вот, — сказал я, обнимая ствол замерзшими руками. — Вот он, мой новый дом. Из «окна» открывается живописный вид на...? На что? Мне показалось, что вдали, чуть левее выбранного мною направления, синела и отблескивала на солнце вода. Похоже, там была какая-то река. Снова, со страшной силой, захотелось пить. А еще я узнал, что хвоя лиственницы вполне съедобная и совсем не такая жесткая, как у ели или сосны. Она имеет кисловатый вкус и чем-то напоминает щавель, так что с натяжкой можно сказать, что в ожидании, когда уйдет чудовище, я не терял времени даром и немного подкрепился. Я просидел на дереве часа два, пока носорог, наконец, не потерял ко мне интерес и не удалился в степь тяжелой рысцей. Спускаться на землю было страшно, но смысла сидеть здесь дальше не было. Слезал я в несколько раз дольше, чем забирался наверх. Я же был босиком и, видимо, при подъёме хорошо разодрал и так измученные ноги о жесткую кору дерева. По счастью, мои гетры и бутсы не заинтересовали зверя, и за время моего отсутствия они успели немного высохнуть. Морщась от боли, я снова надел их на ноги и продолжил движение, слегка скорректировав маршрут в сторону увиденной мною с дерева воды.

День клонился к вечеру. Солнце, уже не такое злое, как в зените, золотило верхушки трав. Ветер стих, и степь замерла в ожидании. Я шел уже несколько часов, стараясь держаться возвышенностей, чтобы осмотреться. Ноги стер до мозолей, голод сосал под ложечкой, но страх отступил, сменившись упрямой злостью.

Я поднялся на очередной холм, поросший чахлым кустарником, и замер.

Впереди, километрах в трех, в небо вонзался каменный палец.

Одинокий, мощный останец, резко выделяющийся на фоне пологих склонов. Он был похож на перст, указующий в небо, или на зловещий тотем древнего бога. Я узнал его мгновенно. Я знал его с детства. Мы ездили туда на пикник, когда мне было двенадцать. Мы забирались на скалу, находящуюся рядом, чтобы посмотреть на закат.

— Чертов Палец... — прошептал я.

Это была знаменитая скала в Печорском крае. Точный адрес: Республика Коми, Печорский район. Рядом должна быть река. Печора. Великая северная река. Я ускорил шаг, почти побежал, скатываясь по склону. Я вышел к небольшой ложине, прорезающей ландшафт. И действительно, вдали, за деревьями, блеснула вода. Река была. Но это была не та спокойная судоходная Печора, которую я знал по туристическим буклетам. Она была другой. Берега не обрывались в воду, а плавно переходили в широкую пойму, заросшую осо-

кой. Вода была темной, тяжелой, и по ней плыли льдины. Не весенний ледоход, а отдельные, старые льдины, застрявшие в заводях. На другом берегу виднелись сопки, совершенно дикие, без единой просеки или столба линии электропередач. Но самое главное было не в реке. А в том, что я увидел на другом берегу.

Нет, там не стоял современный поселок, где были дома, школа и магазин «Пятерочка». И не старинный замок, уходящий своими шпилями высоко в небо, и не корабль пришельцев. Даже не пытайтесь угадать, что именно я увидел. На одном из холмов чернело что-то огромное, шевелящееся. Я прищурился, напрягая зрение.

Стадо.

Оно двигалось медленно, как темная лавина. Я не мог разглядеть детали с такого расстояния, но размеры животных не оставляли сомнений. Это были не коровы и не лоси. Бугры на спинах, длинные хоботы, поднятые к небу... Один из зверей затрубил. Звук донесся сюда, с другого берега, низкий и вибрирующий, от которого у меня внутри что-то сжалось.

Это были мамонты. Не один, не два, не пять или десять. Целое стадо древних, давным-давно вымерших мамонтов. Только вот выглядели они живее всех живых.

Я стоял и смотрел на это стадо, на реку, в которой сложно было узнать ту Печору, к которой привык я, и на каменный останец «Чертов палец», который, напротив, совсем не изменился. Сомнений не могло быть никаких. Это был он. Я

слишком хорошо знал это место. Я знал, где я. Я был дома. В Печорском крае, в двух часах езды от своего дома, от бабушкиной квартиры, от офиса «СеверТранса». Но, как говорил Петьке его боевой командир в одном анекдоте: был один нюанс. Здесь был не мой год, и даже не мой век. Я стоял на берегу реки, которую знал, но в мире, который был настолько давно, что о некоторых моментах того времени оставалось лишь предполагать и строить гипотезы.

— Дед был прав, — сказал я в пустоту, чувствуя, как по щекам текут слезы — от страха, от ужаса или от дикой, всепоглощающей тоски по дому. — Земля предков.

Я снял с пальца кольцо и сжал его в кулаке так сильно, что металл впился в ладонь. По крайней мере, теперь я знал, где искать воду и где прятаться. Я знал эти скалы. Я знал этот лес. Я стоял и плакал, глядя на солнечный закат.

Необходимо было определиться с ночлегом, и я начал спускаться вниз. Минут тридцать спустя я нашел овраг — промоину, заросшую сухой травой. Спустившись на дно, я почувствовал себя чуть спокойнее: ветер здесь не дул так сильно. Трава здесь была ниже, чем в степи, но гуще. Я продирался сквозь заросли какой-то колючей дряни, которая цеплялась за гетры. Вдруг я заметил ярко-зеленые стрелки, пробивающиеся сквозь прошлогоднюю желтизну. Я опустился на колени. Лук. Дикий лук. Его резкий, слезоточивый запах ударил в нос так сильно, что я чуть не чихнул. Я дергал перья из земли жадно, не обращая внимания на грязь. Лук

был горьким, жгучим, но это была пища. Я ел его, не очищая от земли, чувствуя, как сок раздражает горло. Желудок заурчал в знак протеста, но я продолжал жевать. Это не просто витамины. Это жизнь. Насытившись (если это можно так назвать) пучком дикого лука, я почувствовал, что силы совсем оставили меня. Голова затуманилась. К тому же, на дне оврага я обнаружил небольшой ручей, вода в котором была проточной и выглядела намного более чистой, чем та, которую мне приходилось пить ранее. Наступала ночь. Искать какое-то укрытие было уже поздно, и я решил остаться до утра здесь. По крайней мере, здесь не дует, и я не так сильно заметен издали. Но спокойствие было ложным. Как только стемнело, степь ожила. Снова, как и в прошлый раз, послышался вой. Далекий, тягучий, заставляющий кровь стыть в жилах. Волки? Или гиены? Я не знал, но звук был жутким. А потом началось шуршание. Вокруг оврага, наверху, что-то двигалось. Я слышал шорох лап по камням, тяжелое дыхание, хихиканье. Это не были люди. Это были звери, почуявшие легкую добычу. Мое воображение дорисовывало мне то, что я не видел, и от этого становилось еще страшнее... Я забился в самый угол оврага, под корни вывороченного дерева. В руках я сжимал увесистый камень — единственное оружие. Сердце колотилось в горле.

— Идите к черту, — прошептал я в темноту.

Вверху, на фоне неба, мелькнул силуэт. Глаза — два зеленых уголька — смотрели прямо на меня. Зверь оскалился,

блеснули зубы. Я швырнул в него камень.

— Пошел! Пошел вон!

Камень ударился о землю. Зверь отскочил, но не ушел. Я увидел, что он был не один. Их было несколько. Они кружили наверху, спускаясь всё ниже, словно проверяя мою реакцию. Я набрал горсть мелких камней и начал кидать их вслепую, крича, пытаясь напугать их своим видом, голосом, чем угодно.

Всю ночь я просидел в этой яме, сжимая в руке другой камень, готовый ударить, если что-то прыгнет на меня. Я не сомкнул глаз. Холод пробирал до костей, но страх был сильнее холода. Только под утро, когда небо посерело, тени наверху растворились. Звери ушли, решив, видимо, что добыча слишком нервная и шумная.

Я выполз из оврага, дрожа всем телом. Я был жив. Но я понимал, что мне повезло. Второй раз природа не простит мне такой ошибки. Мне нужно было найти укрытие. Настоящее. И огонь. Я смог пережить уже две ночи в этом негостеприимном мире. Сегодня я начну искать людей. Если дед не врал про стоянки, они должны быть где-то здесь. Рядом с водой. Рядом со мной. Я напился из ручья и пошел к подножию Чертова Пальца. Там была небольшая пещера, которую я помнил по детству. Если она не занята кем-то, кто больше меня похож на хозяина этого мира, я сделаю её своим жилищем. Хотя бы на время. А потом я начну строить свою цивилизацию. С нуля. С одного серебряного кольца и футболь-

ных бутс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.